

Денис Дук

Полоцкий государственный университет

РОЛЬ И МЕСТО ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СЛАВЯНСКОЙ (КРИВИЧСКОЙ) КУЛЬТУРЫ НА ПОДВИНЬЕ

Целью исследования является реконструкция этнокультурных процессов на территории Белорусского Подвинья в условиях расселения славян (вторая половина I тыс.). Приводится анализ существующих концепций формирования славянской (кривичской) культуры на Подвинье и предлагается оригинальная концепция происхождения городов и государства (Полоцкого княжества) на территории Подвинья.

СЛАВЯНЕ И НАСЕЛЕНИЕ БАНЦЕРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема расселения славян на территории Белорусского Подвинья в отечественной историографии трактуется как сложный и многоплановый процесс, начало которому положено в середине I тыс. (ранняя стадия культуры длинных курганов), а завершающим этапом стало возникновение городов¹.

В этой связи наиболее важным представляется определение понятия «город» применительно к конкретным историческим условиям станов-

¹ *Археалогія Беларусі, том 2*, рэд. В.В. Шадыра, В.С. Вяргей, Мінск: Беларуская навука, 1999, с. 376–384; *Археалогія Беларусі, Том 3*, рэд. П.Ф. Лысенка, Мінск: Беларуская навука, 2000, с. 17–32.

ления государственной власти у полоцких кривичей. Эта проблема может быть решена после выяснения роли и места этнических миграций в формировании славянской (кривичской) культуры на Подвинье.

Отсутствие специфических украшений пражско-корчакской группы памятников (как бесспорно славянских) затрудняет соотношение со славянами того или иного населения на сопредельных территориях. Поэтому одним из основных критериев для выделения этноопределяющих признаков славянской культуры раннего средневековья является устойчивый хозяйственный комплекс предметов, бытовавший в VI–VIII вв. в Юго-Восточной и Восточной Европе (территории Молдавии и Правобережной Украины). В него входят наконечники пахотных орудий, серпы древнерусского типа, жернова, мотыжки-тесала, косы-горбуши, ножи с волютообразным навершием рукояти и клинки с асимметричными уступами, калачевидные кресала, двухшипные втульчатые наконечники стрел и ведёрки с железными дужками². Ни один из вышеперечисленных предметов в лесной зоне Восточной Европы не имеет генетических корней в инвентаре местного населения, поэтому его появление следует связывать со славянами.

В то же время у населения Белорусского Подвинья, оставившего памятники типа верхнего пласта городища Банцеровщина, отчётливо выделяется комплекс украшений, специфические черты которого указывают на балтскую атрибуцию. Это прежде всего подковообразные фибулы со спиралевидными завитками, трапецевидные подвески, шейные гривны, посоховидные будавки, колокольчики, подвески с выемчатыми эмальями, бубенчики и другие украшения³. Эти предметы были заимствованы у восточно-литовских и латгальских племён и позже вошли в состав славянского костюма⁴. Для Белорусского Подвинья эта группа находок присуща в

2 Минасян Р. С., Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных, *Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья*, ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев, В. В. Седов, С. Н. Орлов, Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982, с. 26.

3 Перхавко В. Б., Украшения раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Нёмана, *Вестник Московского государственного университета. Серия VIII, "История"*, ред. А. В. Арциховский, Москва: Изд-во МГУ, 1978, №2, с.69-70.

4 Дучыц Л. У., *Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст.*, ред. Г. В. Штыхаў, Мінск: Беларуская навука, 2001, с. 29.

большей степени, так как данный регион представлял собой контактную зону с летто-литовскими племенами на западе и финно-угорским миром на северо-востоке. Земли, на которых сложилась банцеровская культура, в раннем железном веке были населены племенами днепро-двинской культуры (Среднее Подвинье) и культуры штрихованной керамики (в верховьях Березины, Вилии и северной части Припятского Полесья). Местная генетическая основа прослеживается в полной преемственности вещевого инвентаря на первом этапе существования банцеровской культуры (IV–V вв.). Датирующие вещи этого периода представлены единичными находками, к числу которых, например, принадлежит арбалетная фибула V–VI вв. с селища Гуры⁵ и находки обломков сосудов с расчёсами⁶ в нижнем культурном слое банцеровских поселений.

Погребальные памятники банцеровской культуры представлены грунтовыми могильниками и захоронениями под курганной насыпью⁷. В. В. Седов рассматривает культуру длинных курганов Псковщины как памятники ранних кривичей VI–VII вв.⁸, при этом исследователь отрицает преемственность длинных курганов Псковщины от аналогичных памятников Подвинья⁹. Г. В. Штыхов, произведя раскопки ряда курганных могильников на севере Беларуси, доказал, что наиболее ранними в ареале культуры длинных курганов являются курганы Подвинья (курганы у деревни Янковичи датируются V в.¹⁰). Из приведённой В. В. Седовым классификации керамики из длинных курганов Псковщины¹¹ явственно прослеживается сходство с керамикой банцеровской культуры – это, прежде всего, наличие в псковских курганах усечённо-конической формы посуды и слабопрофилированной с отогнутым, либо прямым венчиком. На генетическую родственность погребальных памятников Северной Беларуси и Псковщины исследователи

5 Митрофанов А. Г., *Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э.–VIII в. н. э.)*, ред. Г. В. Штыхов, Минск: Наука и техника, 1978, с. 114.

6 Шмидт Е. А., *Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленско-полоцких кривичей, Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья*, с. 101.

7 *Археологія Беларусі*, том. 2, с. 365–367.

8 Седов В. В., *Длинные курганы кривичей*, ред. Б.А. Рыбаков, Москва: Наука, 1974, с. 36–41.

9 Там же, с. 39.

10 Штыхаў Г. В., *Кривічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі*, рэд. М. А. Ткачоў, Мінск: Навука і тэхніка, 1992, с. 27.

11 Седов В. В., *Длинные курганы кривичей*, с. 26–42, табл. 21.

уже обращали внимание¹². Главной чертой, сближающей эти памятники, является наличие финно-угорских элементов (бляшки-скорлупки поясного набора из кургана Янковичи¹³ аналогичны бляшкам–скорлупкам из псковских курганов¹⁴). Участие финно-угорского населения как субстратного для псковской группы длинных курганов отмечал В. В. Седов¹⁵, однако на северобелорусских землях финский субстрат отчётливо не прослеживается (только гипотетически можно предположить существование смешанного балто-финнского населения¹⁶). Очевидно, в генезисе населения, оставившего ранние длинные курганы Подвинья V–VII вв., приняли участие и финно-угры в результате длительных этнических контактов с балтами.

Существует мнение, согласно которому курганный обряд захоронения характеризовал иное по этническому составу, нежели балтское, население. Происхождение курганного обряда некоторые исследователи (А. М. Медведев¹⁷, В. В. Седов¹⁸, В. И. Шадыро¹⁹ и др.) связывают с повисленской группировкой славян-пракривичей, удалившейся от основного ареала из-за активизации германских народов²⁰ или резкого ухудшения погодных условий в Центральной и Восточной Европе, затопления пригодных для земледользования участков по причине поднятия уровня рек²¹. Следы перемещения на

12 Лопатин Н. В., Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемли-Банцеровщины, *Археология и история Пскова и Псковской земли*, 1986, ред. В. В. Седов, Псков, 1987, с. 52–53; Фурасьев А. Г., Современное состояние проблемы соотношения древностей типа Тушемли-Банцеровщины и псковских длинных курганов, *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*, укладальнік: калектыў аўтараў, Мінск: МП “ЭПІКО”, 1992, с. 106; Шадыра В. І., Вялікае перасяленне народаў і крывічы, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 7, укладальнік М. І. Лашанкоў, Мінск, 1995, с. 208–209.

13 Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 27.

14 Седов В. В., *Длинные курганы кривичей*, с. 31.

15 Седов В. В., Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, *Материалы и исследования по археологии СССР*, № 163, ред. А. А. Монгайт, Москва: Наука, 1970, с. 103.

16 *Археалогія Беларусі*, т. 2, с. 376.

17 Мядзведзеў А. М., Насельніцтва лясной паласы Усходняй Еўропы і падзеі Вялікага перасялення народаў (да пастаноўкі праблемы), *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 10, укладальнік А. М. Мядзведзеў, А. А. Мяцельскі, Мінск, 1996, с. 17.

18 Седов В. В., *Славяне в древности*, ред. Н. В. Лопатин, Москва: “НПБО “Фонд археологии”, 1994, с. 297.

19 Шадыра В. І., Вялікае перасяленне народаў і крывічы, с. 108.

20 Там же.

21 Седов В. В., *Славяне в древности*, с. 297.

селения из Повисленья на Среднее Подвинье и далее – на Псковщину зафиксированы на широкой полосе от Сувалкии (Польша) до Псковщины через территорию Южной и Юго-Восточной Литвы по находкам так называемых В-образных пряжек с рифлением в сочетании с лунницами-кельтами²².

Мигранты, расселяясь на Подвинье, несомненно должны были изменить этнокультурный фон региона, как это произошло на Псковщине. Однако заметного изменения культурной или этнической ситуации в середине I тыс. не фиксируется, более того, существует абсолютная схожесть материальной культуры банцеровских поселений Подвинья и Верхнего Поднепровья. Следовательно, пришлое население – носители обряда захоронений в курганах – должно было быть родственным в этническом плане балтским племенам. Как объяснить такое противоречие? По мнению В. И. Шадыро, повисленская группировка праславян, продвигаясь в окружении балтских племён Понёманья, попала под их сильное влияние, и здесь имел место процесс этнического взаимодействия, в результате которого славяне были ассимилированы балтами²³. Одновременно происходит изменение социальной структуры общества – переход к военной демократии.

Необходимо учесть, во-первых, что населению из Центрально-Европейского региона пришлось преодолеть значительное расстояние через труднопроходимые лесные массивы, вдали от крупных рек – естественных природных магистралей древности, во-вторых, путь переселенцев проходил по территории Юго-Восточной Литвы с высокой плотностью населения, имевшего высокоразвитую военную организацию²⁴, в-третьих, изменение погребального обряда и напряжённая политическая ситуация в Литве в середине I тыс. могла быть усугублена нашествием гуннов²⁵.

Очевидно, что миграция середины I тыс. на территорию Белорусского Подвинья осуществлялась населением в этническом плане неоднородным, которое авторы рассмотренной концепции называют «славянами-пракривичами», «праславянами» или «населением пшеворской культуры». Пос-

22 Мядзведзеў А. М., Насельнітва лясной паласы Усходняй Еўропы..., с. 17.

23 Шадыра В. І., Вялікае перасяленне народаў і крывічы, с. 203.

24 Казакавичюс В., Редкая форма наконечников копий на территории Литвы, *Древности Литвы и Белоруссии*, ред. А. З. Таутавичюс, Л. Д. Поболь, Вильнюс: Моклас, 1988, с. 83.

25 Аухтан А. Б., Война V в. в Литве, *Гістарычна-археалагічны зборнік, № 11*, укладальнік А. М. Мядзведзеў, А. А. Мяцельскі, Мінск, 1997, с. 15–17.

леднее представляется наиболее приемлемым, учитывая полиэтничный характер пшеворской культуры. Отождествлять выходцев из пшеворской культуры со славянами неправомерно, так как в середине V в. славянской культуры на пространствах Центральной Польши ещё не существовало²⁶. До тех пор, пока вопрос о соотношении кривичской курганной культуры VIII–IX вв. Верхнего Поднепровья и Подвинья (полемика Г. В. Штыхов²⁷ – В. В. Енуков²⁸) с ранними длинными курганами Псковщины будет открытым, проблема этнической принадлежности погребальных памятников третьей четверти I тыс. останется нерешённой.

Среди инвентаря погребальных памятников банцеровской культуры Подвинья V–VII вв. присутствуют элементы, которые не распространяются далее за пределы региона. Только в длинных курганах Подвинья обнаружена керамика с расчёсами (курган № 3 могильника Повалишино²⁹) – подобных находок в погребальных памятниках Псковщины не фиксируется. Несомненный интерес представляет керамика с налёпным валиком под венчиком. В длинных курганах Подвинья подобные сосуды единичны (Дорохи, Субавщина), однако керамика с налёпным валиком под венчиком найдена и в псковских длинных курганах, и в ареале тушемлинской культуры. Сосуды подобного типа были принесены из ареала киевской культуры вместе с сопутствующими компонентами в IV–V вв.³⁰

Тип жилища в виде полуземлянки срубной конструкции с печью-каменной в одном из углов, выявленный А. Р. Митрофановым на селище Городище, Замковая Гора, Ревячка³¹, относится к этноопределяющему славянскому компоненту и «служит основным индикатором при выяснении этнической принадлежности той или иной культуры славянам до анализа вещевых и керамических материалов или при спорности таковых»³². Подобные жилища известны в Подесенье (Целиков Бутор, Стрелица), а также на селище Щатково

26 Parczewski M., *U źródeł słowiańszczyzny, Słowianie w Europie wcześniejszego średniowiecza: katalog wystawy*, red. M. Miśkiewicz, Warszawa, 1998, s. 42, 46.

27 Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 41–43.

28 Енуков В. В., *Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей (по археологическим материалам)*, ред. А. Д. Пряхин, Москва, 1990, с. 136–137.

29 Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 38.

30 Фурасьев А. Г., *Современное состояние проблемы...*, с. 35.

31 Митрофанов А. Г., *Железный век средней Белоруссии...*, с. 85–89.

32 Седов В. В., *Жилища славян в начале средневековья, Археология и история Пскова и Псковской земли, 1988*, ред. В. В. Седов, Псков, 1989, с. 81.

в нижнем течении Березины³³. Известны полуземлянки в среде балтского населения культур штрихованной керамики и днепро-двинской (городище Мысли, Копыльский р-н³⁴, селище Прудники, Миорский р-н³⁵), что также свидетельствует о значительном влиянии южных соседей и в более отдалённую эпоху.

Ножи с волютообразным навершием рукояти найдены на широком пространстве Центральной и Восточной Европы (Польша, Подунавье, Киевщина и лесная полоса Восточной Европы)³⁶. Наиболее ранние из этих ножей представлены орнаментированными клинками из Польши VI–VII вв., тогда как клинки без орнамента более поздние и датируются в пределах VIII–IX вв. Функциональное назначение ножей с волютообразным навершием предположительно ритуальное, предназначенное для использования язычниками славянами при жертвоприношениях. Таких ножей на территории Беларуси известно несколько экземпляров (Городище, Лукомль, Ревячка, Тайманово³⁷) – все они имеют западнославянское происхождение. Двухшипные втульчатые наконечники стрел, выявленные археологами на поселениях Прудники, Лукомль, Свила-I, появляются не раньше VIII в. и бытуют синхронно с памятниками культур типа Луки-Райковецкой или роменско-боршевской³⁸.

При анализе времени появления славянского комплекса предметов на территории банцеровской культуры обнаруживается следующая закономерность: все предметы славянского происхождения имеют достаточно определённую хронологическую характеристику – по времени бытования в среде банцеровской культуры не ранее VIII в. Комплекс вещей из полуземляночного жилища № 27 селища Городище В. Б. Перхавко датирует первой половиной VIII в.³⁹

Банцеровская культура находилась на периферии балтского и славянского ареалов: с юга и юго-запада она граничила со славянской пражской куль-

33 Седов В. В., Начальный этап славянского расселения..., с. 48–50.

34 Гурич М. Ф., Археологические материалы из городища Мысли, *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 15, рэд. П. Лысенка, Мінск, 2000, с. 24–26.

35 Митрофанов А. Г., Изучение поселений в бассейне Немана и Западной Двины, *Археологические открытия 1978 года*, ред. Б. А. Рыбаков, Москва: Наука, 1979, с. 443.

36 Минасян Р. С., Железные ножи с волютообразным навершием рукояти, *Проблемы археологии. Вып. 2*, ред. А. Д. Столяр, Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1978, с. 149–150.

37 Митрофанов А. Г., *Железный век средней Белоруссии...*, с. 108.

38 *Археалогія Беларусі ў 4 тамах. Т. 2*, с. 368–370.

39 Перхавко В. Б., Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Белоруссии, *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*, с. 87.

турой, с юга-востока ощутимо влияние колочинской культуры (в последнее время всё большим количеством исследователей колочинская культура определяется как славянская⁴⁰). Необходимо учесть, что банцеровская культура Подвинья образовалась на основе очень устойчивой этнокультурной области двух родственных балтских культур: днепро-двинской и штрихованной керамики, что не было характерно для колочинской культуры. Последнее во многом определило степень своеобразия банцеровской культуры.

Распад банцеровской культуры Подвинья не был одноактным процессом. В культурных пластах банцеровских поселений, которые продолжили существование после прихода славян, не заметно стратиграфических разрывов. Распространение памятников раннекривичской культуры длинных курганов отмечается в пределах VIII в. по этой причине хронологические рамки смены культур определяются условно.

Славянская инфильтрация в среду восточнобалтского населения Белорусского Подвинья началась на заключительном этапе существования банцеровской культуры, то есть в пределах первой половины VIII в., и это движение исходило из южных районов славянского ареала (памятники типа Луки-Райковецкой). Заметного влияния на культуру восточных балтов в рамках существования банцеровской культуры не отмечается, так как славяне расселялись небольшими мужскими коллективами или отдельными родами, которые проникали в балтское окружение и перенимали материальную и духовную культуру автохтонного населения.

Банцеровская культура оставалась в своей основе балтской, при этом как на начальной, так и на заключительной стадии её существования присутствует иноэтническое влияние. В течение второй половины VIII в. под влиянием массовой миграции славян по Днепру на север от Припяти начинает формироваться кривичская культура на Смоленщине⁴¹ и Белорусском Подвинье.⁴² Последнее в итоге повлекло деструктуризацию банцеровского круга древностей и стало причиной формирования кривичской культуры полоцких длинных курганов конца VIII–X вв.

⁴⁰ *Археалогія Беларусі ў 4 тамах. Том 2*, с. 358; Parczewski M., *U źródeł słowiańszczyzny*, гус. 45.

⁴¹ Енуков В. В., *Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей*, с. 75; Шмидт Е. А., Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленско-полоцких кривичей, с. 102.

⁴² Штыгяхў Г. В., *Крывічы*, с. 48–49.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

Археологические источники, как основные по периоду IX–начала X вв., фиксируют в Белорусском Подвинье ряд поселений с лепной керамикой культуры смоленско-полоцких длинных курганов. К их числу принадлежат Полоцкое⁴³, Витебское, Лукомльское городища и селища⁴⁴, городище близ деревни Свила-I⁴⁵, селище близ деревни Лужесно⁴⁶. Из этих поселений только Полоцк и Витебск расположены на крупнейшей водной магистрали Восточной Европы – реке Западная Двина.

Оба города занимают выгодное географическое положение – Полоцк в том районе Двины, где с севера в неё впадает Полота, с юга Улла и Ушачь, Витебск расположен при впадении реки Лучёсы, связывающей Двину с верховьями Ловати, недалеко лежит устье Каспли.

Обращает на себя внимание схожесть топографии обоих городов. Первоначально Полоцк размещался в 0,8 км от устья Полоты на Полоцком городище. Исторический центр Витебска – городище Замковая Гора – находился в небольшом удалении (150 м) от устья Витьбы, а расположенные ниже селища вплотную подходили к берегам Двины. Площадь детинцев городищ примерно одинакова и равна 0,7 га. К X веку городская застройка Полоцка расширяется благодаря освоению территории на Верхнем Замке⁴⁷, площадь Витебска увеличивается в результате слияния отдельных поселений у подножия Замковой Горы⁴⁸.

43 Штыхов Г. В., *Древний Полоцк (IX–XIII вв.)*, ред. А. Г. Митрофанов, Минск: Наука и техника, 1975, с. 24–25.

44 Штыхов Г. В., *Города Полоцкой земли*, ред. В. П. Даркевич, Минск: Наука и техника, 1978, с. 35–36, 43–46.

45 Мітрафанаў А. Г., Карбушкіна Т. М., *Археалагічны помнік расказвае, Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*, рэд. І.Ф. Клімаў, Мінск: Палымя, 1975, № 4, с. 38–40.

46 Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 42.

47 Тарасаў С. В., *Полоцк у IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія*, рэд. Г.В. Штыхаў, Мінск: Беларуская навука, 1998, с. 37–38.

48 Бубенько Т. С., *Социотопографическая структура посада средневекового Витебска (X–первая половина XIV вв.)*, *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии, том 2*, ред. В. В. Седов, Москва: НПБО «Фонд археологии», с. 26–27; Г. В. Штыхов, *Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.)*, с. 41.

Приведённые данные свидетельствуют, что у Полоцка в IX–X вв. не было преимущества в интенсивности городской застройки перед Витебском, а по системе укреплений оба города заметно уступали синхронным поселениям в Лукомле и близ деревни Свила-І. Тем не менее, в связи с важными политическими событиями IX–первой половины X вв., только Полоцк неоднократно упоминается в летописных источниках.

Под 862 годом в Лаврентьевской летописи находим сообщение о раздаче Рюриком городов своим вассалам: «овому Полотескъ, овому Ростовъ другому Белоозеро и по тем городам суть находници врязи, а первые насельници в... Полотьски кривичи...»⁴⁹. Под 865 годом в поздней Никоновской летописи после упомянутых событий следует: «Того же лета воеваша Аскольдъ и Дирь полочань и много зла сътвориша»⁵⁰. Как полагает Л. В. Алексеев, нет никаких оснований не верить этому сообщению⁵¹. По мнению М. И Ермоловича, такие события, как изгнание варягов, призвание Рюрика и его братьев, смерть Трувора и Синеуса, раздача Рюриком городов своим вассалам не могли произойти в один год и подача этих событий в разных летописных сводах под 862 и 865 гг. не является ошибкой переписчика⁵². Далее под 907 годом по Лаврентьевской летописи встречаем Полоцк в числе городов, где «седаху велиции князи под Олгом суще»⁵³.

Широко известен Полоцк и в древнескандинавских сагах середины X–XI вв. под названиями Pal(1)teskia, Palteskjuborg⁵⁴.

Предание относит время основания Витебска княгиней Ольгой к 947 году (принимая поправку вместо 974 года в летописи)⁵⁵. Это полуполюгендарное сообщение не может что-либо сказать о политической роли Витебска. Под

49 Лаврентьевская летопись, *Полное собрание русских летописей (далее – ПСРА), том 1*, ред. Е. Ф. Карский, Москва: Изд-во восточной литературы, 1962, стб. 20.

50 Патриаршая или Никоновская летопись, ПСРА, том 9, 10, ред. А. Н. Тихомиров, Москва: Наука, 1965, с. 9.

51 Алексеев Л. В., *Полоцкая земля (Очерки этнической истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв.*, ред. Б. А. Рыбаков, Москва: Наука, 1966, с. 238.

52 Ермолович М., *Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды*, ред. М. Ткачоў, Мінск: Мастацкая літаратура, 1990, с. 59.

53 Лаврентьевская летопись, стб. 31.

54 *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. Составители Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, ред. А. П. Новосельцев, Москва: Наука, 1987, с. 35.

55 Штыхов Г. В., *Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.)*, с. 31.

1021 г. в связи с походом полоцкого князя Брячислава на Новгород Витебск упоминается как город, зависимый от Полоцка: «И оттоле призва к себе (Ярослав – авт.) Брячислава и давъ ему два города – Въсвач и Витебск»⁵⁶.

Таким образом, резонно возникает вопрос: почему имея одинаковые «стартовые» возможности с другими поселениями Белорусского Подвинья и, в частности, с Витебском, именно Полоцк закрепил за собой роль политического лидера в регионе? Для решения этой проблемы необходимо обратиться к анализу этнокультурных процессов последней трети I тыс.

На VIII век приходится время угасания тушемлинской культуры Верхнего Поднепровья⁵⁷. Верхняя хронологическая граница древностей банцеровской культуры в Белорусском Подвинье приходится на рубеж VIII–IX вв.⁵⁸. Именно в это время в регионе формируется культура длинных курганов Северной Беларуси (так называемая вторая стадия культуры длинных курганов Подвинья)⁵⁹, основными носителями которой, по мнению большинства исследователей⁶⁰, были славяне. На соседних территориях этот процесс сопровождался гибелью в огне городищ-убежищ тушемлинской культуры, после чего жизнь на поселениях, как правило, не восстанавливается⁶¹. На Подвинье, где общее количество городищ-убежищ банцеровской культуры исчисляется десятками, к последней четверти I тыс. жизнь продолжается только на поселениях близ дер. Свила-І, Витебске, Лукомле и некоторых других.

56 *Повесть временных лет, Часть 2*, ред. В. П. Адрианова-Перетц, Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950, с. 369.

57 Шмидт Е. А., Проблемы хронологии тушемлинской культуры в Верховьях Днепра, *Археологія і старожитня гісторія Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый*, ред. В. А. Селзін, Магілёў, 1994, с. 108–110.

58 Митрофанов А. Г., Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.–IX в. н.э.), *Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии)*, ред. Э. С. Мугуревич, Рига: Зинатне, 1980, с. 108.

59 Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 49–50.

60 Енуков В. В., *Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей*, с. 173; Седов В. В., Восточные славяне в VI–XIII вв., *Археология СССР*, ред. Б. А. Рыбаков, Москва: Наука, 1982, с. 53–58; Шмидт Е. А., Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленско-полоцких кривичей, с. 102; Штыхаў Г. В., *Крывічы*, с. 61.

61 Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., *Древнейшие городища Смоленщины*, ред. И. И. Ляпушкин, Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963, с. 41.

Материалы курганных захоронений VIII–IX вв. отражают начало процесса славянской колонизации Белорусского Подвинья. Однако это не привело к окончательной славянизации населения. Летто-литовские элементы в культуре длинных курганов Северной Беларуси занимают значительное место. Новая этническая общность только возможно была славяноязычной⁶².

На Полоцком городище жизнь возобновляется на месте заброшенного городища днепро-двинской культуры⁶³. Культурный слой третьей четверти I тыс. на памятнике не известен (за исключением единичной находки венца лепного сосуда), однако имеются многочисленные археологические свидетельства о наличии высокой плотности поселений банцеровской культуры вокруг Полоцка (междуречье Ушачи и Уллы)⁶⁴. До тех пор, пока археологи не обнаружат культурный пласт третьей четверти I тыс. на Полоцком городище, локализация здесь центра племенного объединения балтов не будет являться правомерным.

Самые ранние датирующие материалы славянской культуры найдены на Полоцком селище (крупные фрагменты лепной керамики VIII в. пражского типа, а также фрагменты керамики, типичные для длинных курганов VIII–IX вв.⁶⁵). Некоторые фрагменты сосудов, по мнению Г. В. Штыхова, имеют роменские аналоги. Несомненно, что наиболее ранние образцы посуды с Полоцкого селища являются славянскими по происхождению. Последнее обстоятельство имеет очень важное значение.

Традиционной концепции возникновения городов Северной Беларуси как опорных пунктов славян на чужеродной территории противоречит тот факт, что наиболее укрепленное из известных городищ – Свила-I – на рубеже IX–X вв. прекращает своё существование, Витебск и Лукомль не играют заметной роли в исторических судьбах края, а наиболее успешно в системе политических отношений развивается недавно освоенное поселение в устье Полоты.

62 *Гісторыя Беларусі: У 6 тамах. Том 1*, рэд. М. Чарняўскі, Г. Штыхаў, Мінск: Беларуская навука, 2001, с. 138.

63 Штыхов Г. В., *Древний Полоцк (IX–XIII вв.)*, с. 24–25.

64 Левко О., Начальный этап формирования Полоцкого государства, *Полацк: карані нашага радавода*, рэд. А. Мальдзіс, Р. Грудніцкі, В. Шайкоў, Полацк: Полац. дзярж. ун-т, 1996, с. 37.

65 Тарасаў С. В., *Полацк у IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія*, мал 47; Штыхаў Г. В., *Новыя раскопкі ў Полацку, Помнікі старажытнабеларускай культуры: новыя адкрыцці*, рэд. С. В. Марцэлеў, Мінск: Навука і тэхніка, 1984, с. 156.

Трудно согласится с объяснением основания Полоцка исключительно благодаря развитию торговых отношений. Знаменитый путь «из варяг в греки» только начинает функционировать, активное его использование приходится на X–XII вв.⁶⁶

Исходя из вышеизложенного, можно выдвинуть гипотезу, что Полоцк возник в результате договорных отношений между славянами и балтами на уровне племенного управления. Весомым аргументом в пользу данного утверждения является, во-первых, отсутствие следов пожарищ на большинстве поселений банцеровской культуры Подвинья, во-вторых, отсутствие стратиграфических разрывов в культурных напластованиях банцеровской культуры и культуры смоленско-полоцких длинных курганов.

Практическим воплощением обозначенных взаимоотношений выступает та политическая и социально-экономическая роль Полоцка, которую он играл на протяжении последней четверти I тыс.

Первоначальный социальный статус Полоцка – племенной центр, резиденция княжеской администрации. Именно этот статус обеспечивал городу стабильное развитие в течение IX–X вв. Пример древнего Гнездова убедительно свидетельствует, что обособление торгово-ремесленных и дружинных групп на основании обслуживания потребностей, главным образом, внешней торговли, хотя и сопровождается кратковременным ярким расцветом, ещё не является достаточным для перерастания такого центра в раннесредневековый город.

Согласно археологическим материалам, Полоцк был основан на рубеже VIII–IX вв. и уже в то время выделяется политической активностью. Индикатором данного процесса являются свидетельства летописей и древнескандинавских саг.

Городище, на котором произошло возведение Полоцкого замчища, до этого примерно в течение трёх столетий не было заселено. Наиболее ранние материалы – свидетельства появления славян – были обнаружены на Полоцком селище, поэтому не исключено, что именно на нём первоначально была возобновлена жизнь. Параллельно с освоением селища (славяне в первую очередь были земледельцы) идёт процесс укрепления городища – насыпается вал, строится замковая стена, возводится система оборонительных со-

⁶⁶ Брим В. А., Путь из варяг в греки, *Известия АН СССР. Серия 7, Отделение общественных наук*, ред. А. Н. Самойлович, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1931, №2, с. 213–218.

оружений. Возможно, в это время в Полоцке устанавливается свой пантеон языческих богов. Такие крупномасштабные мероприятия были возможны только при наличии достаточно разработанной системы управляющего аппарата. Его функционирование обеспечивала княжеская власть, которая опиралась в своих действиях на племенную знать.

У балтского населения, по-видимому, имелись свои племенные центры, которые объединяли отдельные субрегионы. Возможно допустить, что ими являлись древние Витебск и Лукомль. В таком случае продолжение их существования после прихода славян становится полностью понятным: процесс заключения договорных союзных отношений должен был решаться не ниже чем на уровне племенного управления. Очевидно, что последствия такого союза должны были затрагивать все сферы жизни общества того времени. По этой причине ненасильственное прекращение существования ряда поселений банцеровской культуры можно объяснить последствиями изменений в экономике.

Основная социальная единица древнего общества – община – прошла одинаковый путь развития как у балтских, так и у славянских племён. У балтов примерно с V в. прослеживается тенденция к индивидуализации дворов как самостоятельных хозяйственных единиц⁶⁷. Изменение структуры поселений и переход на селища совпадает по времени с появлением отдельных домов, рассчитанных на малую семью. Трансформируется и форма общины – вместо большесемейной соседско-родовой (по классификации Б. А. Тимощука⁶⁸) формируется соседско-большесемейная, в которой кровнородственные отношения постепенно уступают место соседско-территориальным. Происходит процесс обособления отдельных патриархальных семей и выделение малых индивидуальных⁶⁹. Аналогии этим процессам можно найти как у восточных балтов, так и у славян Центральной и Юго-Восточной Европы. Примером такой общины на территории Северной Беларуси может служить селище VI–VII вв. у деревни Городище.

Балты на территории Подвинья создали свою терминологию, которую частично переняли славяне. Показателен пример с названиями поселений – так, если «городище» и «село» являются общеславянскими терминами,

67 Третьяков П. Н., *Восточнославянские племена*, ред. А. Д. Удальцов, Москва: Изд-во АН СССР, 1953, с. 267–283.

68 Тимошук Б. А., *Восточные славяне: от общины к городам*, ред. С. А. Плетнёв, Москва: Изд МГУ, 1995, с. 137–175.

69 Там же, с. 175.

то подобные термины у балтов соответственно «pillakalnis» и «kaimas»⁷⁰. Отсюда следует, что балтская терминология сложилась независимо от славянской и обозначала схожий уровень социально-экономического развития. У балтов славяне переняли термин «весь», который происходит от древне-литовского «vieshe» – «сельская община»⁷¹.

У славян пражской культуры, равно как и у культуры типа Луки Райковецкой, были в наличии все необходимые условия для прогрессивного способа ведения хозяйства. В этих условиях при сохранении большесемейной соседской общины был неизбежен демографический взрыв, что, в свою очередь, вынуждает к переселению части «лишних» семей на новые земли⁷². Поэтому в VIII–IX вв. когда славяне заселяют земли Верхнего Поднепровья и Подвинья, у них ещё не сложился тип территориально-соседской общины. Его образование произошло уже на месте и гораздо позже – в XI–XII вв.

Тем не менее, славянские племена имели больше предпосылок для интенсификации развития экономических, и, как следствие, политических отношений. Они принесли, во-первых, более прогрессивные орудия труда⁷³, во-вторых, новые сельскохозяйственные культуры⁷⁴, в-третьих, новый (двухпольный) принцип севооборота. Все эти факторы существенно содействовали проникновению славян на Подвинье именно мирным путём – местным балтским племенам было выгодно перенимать и осваивать новые способы ведения хозяйства и поэтому не случайно инициатива управления всеми сферами общественно-политической жизни с течением времени целиком переходит к более активному славянскому этносу. Этому также способствовал урбанистический характер славянской культуры: именно славяне на территории Центральной и Восточной Европы являлись основателями раннегородских поселений. При этом большие возможности для перерастания раннегородских поселений в средневековые города имели те из них, которые изначально развивались как общинные центры

70 Пьянков А. П., Социальный строй восточных славян в VI–VIII вв., *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР*, ред. З.В. Удальцов, Москва: Наука, 1969, с. 73.

71 Пьянков А. П., *Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси*, рецензенты: В. В. Мавродин, Д. И. Мышко, Л. Д. Поболь, Минск: Изд-во БГУ, 1990, с. 73.

72 Тимошук Б. А., *Восточные славяне: от общины к городам*, с. 148.

73 Минасян Р. С., *Проблема славянского заселения...*, с. 26.

74 Яджевский К., *О значении возделывания ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы, Древности славян и Руси*, ред. Б. А. Тимошук, Москва: Наука, 1988, с. 98.

Таким образом, данные археологии и лингвистики свидетельствуют, что и у балтских, и у славянских племён к моменту расселения последних на север от Припяти, уровень политической организации был примерно одинаков – предгосударственная стадия, характеризующаяся сложением союзов племён и тенденцией к их единоначальному руководству. Во избежании межэтнических столкновений и славянам, и балтам было выгодно развивать союзные отношения и, как отражение этого процесса, основать свой племенной центр. В данном случае инициатива принадлежала именно славянским переселенцам. Выбор заброшенного городища в устье Полоты говорит, прежде всего, о том, что переселенцы-славяне руководствовались не только выгодами в торговле или хозяйственной деятельности, но также и открывающимися возможностями по упорядоченному управлению новыми территориями. По этой причине Витебское, Лукомльское или городище близ дер. Свила-I не могли стать племенными центрами кривичей, т. к. изначально ведущую роль на них определяло автохтонное балтское население со своей развитой структурой племенного управления. К тому времени, когда в Витебске и Лукомле стала доминировать славянская (кривичская) культура смоленско-полоцких длинных курганов, эти поселения уже не могли составить политической конкуренции Полоцку и постепенно подпадали по отношению к нему в вассальную зависимость.

Ассимиляция славянами балтских племён продолжалась в течение жизни нескольких поколений, поэтому представляется более правильным говорить о биэтничном балто-славянском государстве полоцких кривичей по крайней мере для периода IX–XI вв. Полоцк, как носитель атрибута государственной власти (резиденция княжеской администрации), играл роль посредника и координатора межэтнических отношений, обеспечивая равные права обеих сторон, что давало ему право на политическое лидерство в регионе.

Несомненный интерес представляет археологическое исследование города. В древнейшем культурном напластовании Полоцкого замчища найдены обломки лепной керамики днепро-двинской культуры. Сверху слой перекрыт валом, на котором находился неповреждённый лепной сосуд, типичный для времени длинных курганов XI–X вв. Туловище сосуда было оставлено в слое пожара, под которых погребена вся первоначальная насыпь. В слое пожара встречаются обломки хорошо изготовленных лепных сосудов,

похожих на гончарную керамику рубежа IX–X вв.⁷⁵ По мнению Г. В. Штыхова это остатки оборонительного сооружения, погибшего в сильном пожаре. Примечательно, что применительно к этому периоду, а конкретно, в 865 году, относится сообщение Никоновской летописи «воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша». Вполне допустимо, что нижний слой пожара является прямым следствием упомянутых в летописи событий.

При Брячиславе Изяславовиче полочане проводят самостоятельную политику против своих западных балтских соседей. Именно в результате этой деятельности были основаны поселения Враслов, Масковичи, Ратюнки, Дрисвяты, к этому времени уже имеются археологические свидетельства военных столкновений между кривичами и западными соседями-балтами на Подвинье⁷⁶. Полоцкие кривичи XI в. были уже политически сплочены и по этой причине употребление политонима «полочане» применительно ко всем жителям Полоцкой земли представляется вполне закономерным. В XI в. процесс славянизации балтов ещё не был завершён (по курганным захоронениям видно, что сельская округа оставалась преимущественно балтской⁷⁷), поэтому возникновение пограничных государственных твердей можно рассматривать как реальное проявление политической воли полочан.

Таким образом, можно выделить ряд особенностей формирования славянской (кривичской) культуры на Подвинье:

- ♦ длительный и преимущественно мирный характер межэтнических балто-славянских отношений;
- ♦ доминантная роль славянской урбанистической культуры и навыков сельскохозяйственного производства;
- ♦ договорной характер межплеменных балто-славянских взаимоотношений в процессе становления Полоцкого княжества;
- ♦ основание Полоцка как племенного центра биэтнического (балто-славянского) раннефеодального государства полоцких кривичей;
- ♦ использование политонима «полочане» как атрибута особого государственного устройства Полоцкого княжества.

75 Штыхов Г. В., *Древний Полоцк (IX–XIII вв.)*, с. 24.

76 *Гісторыя Беларусі: У 6 тамах. Том 1*, с. 154.

77 Дучыц Л., Балты на тэрыторыі Полацкага княства і іх далейшы лёс, *Полацк: карані нашага радавода*, с. 26–28.

Denis Douk

THE ROLE AND PLACE OF ETHNIC
MIGRATIONS IN THE FORMATION OF
SLAVONIC (KRIVISHIES) CULTURE IN
DVINA AREA

Summary

Slavonic infiltration into east-Balt population of Belorussian Dvina area started at the final stage of Bantserov culture existence, that is during the first half of the 8th century, and this movement originated in the south or south-west region of Slavonic habitat (monuments of Luka-Raikovetskaya type). Over the period of Bantserov culture there has been observed no conspicuous impact on the culture of Eastern Balts, for Slavs settled in small male communities or separate clans which penetrated into Balt environment and acquired material and spiritual way of life of the local population. Bantserov culture, in essence, remained Balt, though in its starting as well as final phase there occurred certain alien influence.

In the second half of the 8th century under the influence of mass migration of Slavs from the south Crivishies culture began to develop in Smolensk and Belorussian Dvina area. This caused changes in the structure of Bantserov set of antiquities and gave rise to Crivishies culture of Long Burial mounds of the end of the 8-10th centuries. Slavonic assimilation of Balts continued through the lifetime of several generations. Therefore, for the period of the 9-11th centuries we consider it more precise to speak about biethnic Balto-Slavonic state of Polotsk Crivishies. The polytonim «pologan» was used as an attribute of the special state frame of Polotsk principality.

Polotsk appeared as the residence of Prince Administration in consequence of agreed relationships between Slavs and Balts at the level of tribal government. Originally, Polotsk played the role of coordinator of the inter-ethnic Balto-Slavonic contact, providing equal rights for both sides, which gave the city the right for political leadership in the region.

Translated by Natalia Udalova